

Актуальные вопросы нравственного богословия и христианской социальной философии

КРИТИКА ХРИСТИАНСКОГО НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА И ЕЁ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Изучив содержание данной темы, бакалавр должен:

знать

изменение представлений о главном содержании христианской веры в XVIII-XIX веках;

предпосылки перехода от критики христианского вероучения к критике христианской этики;

особенности и противоречия критики христианской этики в трудах Ф. Ницше;

особенности и противоречия критики христианской этики в трудах Дж. Фрэйзера

особенности конфуцианской цивилизации как цивилизации, в которой реализованы этические идеалы критиков христианства;

критика этических ценностей Православной Церкви и её опровержение;

уметь

использовать в пастырской и проповеднической деятельности аргументы в защиту христианского нравственного закона;

владеть

навыками нравственно-исторического анализа критических высказываний в адрес христианского нравственного закона.

Акцентирование нравственного учения христианства в западной культуре в XVIII-XIX веках

Воплощение Сына Божия, как сказано в Евангелие, разделило человеческий род на тех, кто принял весть о Спасителе, и кто отверг Его. Первыми «критиками» христианского веро- и нравоучения выступили иудейские фарисеи и саддукеи, обвинявшие Господа нашего Иисуса Христа в противоречии Моисееву закону, нарушении человеческих традиций, общении с теми, кого общество считало примером нравственного падения — мытарями и блудницами. В последующие столетия сомнению или искажению подвергались различные основополагающие богословские положения христианской веры — учение о Троице, искуплении, воскресении мертвых и т.д., в то же время христианский нравственный закон воспринимался как возвышенное или по крайней мере «полезное» для общества этическое учение. Исключения представляют некоторые гностические и средневековые секты, которые

вопреки Евангелию разделили в человеке «внутреннее» и «внешнее», объявили «внешнее», телесное, ничего не значащим («главное — что в душе!»), в результате чего их адепты объявлялись свободными от любых нравственных ограничений.

Вплоть до конца XVIII в. христианство воспринималось западноевропейским обществом в первую очередь как вероучительный мировоззренческий комплекс, главным содержанием которого были догматические представления о Боге-Творце, творении мира- и человека¹. Слова французского математика, физика и астронома Лапласа (1749-1827) о том, что он в своей теории не нуждается в такой гипотезе, как вмешательство Бога в дела творения, являются симптомом того, какое на самом деле место занимали представления о Боге в новоевропейской культуре. Однако в течение XVII-нач. XIX веков в западной духовной культуре происходило накопление изменений и тенденций, которые привели к изменению восприятия христианства.

Во-первых, первые шаги точных, естественных и гуманитарных наук вошли в противоречие со средневековой картиной мира, ассоциируемой с христианским вероучением². Развитие научно-понятийного аппарата, математических и физических наук на том этапе создавали иллюзию «освобождения» от теоцентрического мировоззрения. Для многих представителей молодежи ознакомление со свежими научными теориями приводило к кризису веры как представления об устройстве мира. В связи с этим происходит трансформация западохристианского богословия, которое отказывается от претензий на обладание истиной в познании феноменов тварного мира. В XIX веке в католической церкви были осуждены учения, которые объявляли откровение и веру источником не только религиозного, но и естественного знания в области метафизики и морали, а также, вслед за блж. Августином, считавшие интуитивное знание о Боге основой всякого знания истины³.

Во-вторых, богословская конкуренция между протестантизмом и католицизмом, а также внутри протестантских деноминаций, наряду с развитием теологического образования в европейских университетах привела к тому, что в протестантских странах религиозная жизнь всё больше принимала умственный, догматический характер. Реакцией на схоластизацию лютеранского (затем и других протестантских деноминаций) богословия стало появление **пиетизма** — религиозного движения, которое придавало особую значимость живому религиозному чувству, личному благочестию и святости. Религия становится частным делом человека. К началу XIX века в немецком протестантизме религия стала восприниматься не в

---

¹ Следы такого понимания можно встретить и в наши дни, когда христианство сводится к «вере в Бога», из которой удалены учения о грехопадении человека и его искуплении воплотившимся Богом-Словом, о покаянии как основе и воспитании добродетелей как задаче духовной жизни. Крайней формой такого представления о Боге как Высшем Разуме, который существует, но не вмешивается в дела людей, является деизм, распространившийся в европейской культуре в XVII-XVIII века.

² Аналогом этого этапа развития науки может быть назван подростковый возраст, когда первые поверхностные познания о взрослой жизни ниспровергают детские представления о мире. С обретением опыта и мудрости человек вновь возвращается к истокам, как это произошло с современной наукой.

³ См.: Хеглунд Б. История западного богословия / Б. Хеглунд. — Минск: Фонд «Лютеранское Наследие», 2001. — С. 325-326.

качестве суммы вероучительных истин, а как элемент личной духовной жизни. В середине XIX века неприятие выхолащивания христианской жизни в датском протестантизме, а также гегелевской философской системы, которая включила все духовные феномены в единую диалектическую схему, привело у датского философа Сёрена Къеркегора учения, согласно которому истинная вера является результатом свободного и ответственного выбора человека в ситуации его абсолютного одиночества перед Богом. Тем самым был доведен до предела религиозный индивидуализм, характерный для всей протестантской духовной традиции. Идеи Къеркегора обрели популярность и нашли развитие в XX веке в философии экзистенциализма и диалектической теологии К. Барта.

В-третьих, философия Иммануила Канта (1724-1804), оказавшая огромное влияние на мировоззрение последующих столетий и сводящая религию к исполнению нравственного закона. В этой философии «функцией» Бога было придание смысла нравственному императиву, в котором утверждалась человеческая свобода. Позже идеи Канта легли в основу философии ценностей, развитие которой началось в неокантианстве во второй половине XIX века и сохранившей свою значимость в этике до сих пор.

Таким образом, в течение XVIII-XIX веков в западном богословии происходит постепенный сдвиг в понимании христианства, основным содержанием которого стали не вероучительные истины о Боге-Творце и Искупителе и последних судьбах мира, а нравственное и религиозное чувства, христианский образ жизни отдельного человека и воплощение христианских идеалов в социальной жизни общества⁴. Необходимо отметить, что в Российской империи начиная с Петра I государство противодействовало интересу подданных к личному благочестию, высмеивая стремление к добродетельной жизни как «ханжество», недостойное государственного деятеля, придворного, мещанина. Из жития свт. Игнатия Брянчанинова известно, что будучи воспитанником Военного инженерного училища, он стремился причащаться Святых Христовых Тайн каждую неделю, но после доноса со стороны военного священника начальство сделало будущему святителю внушение, что причащаться «довольно, как это предусмотрено Воинскими артикулами 1715 года, одного раз в год или четырех». Результатом отсутствия укорененных традиций полноценной христианской жизни стало то, что начиная с середины XIX века, когда в стране началась революционная пропаганда (народники, социалисты, марксисты и т.д.), российское общество обнаружило дефицит духовного иммунитета по отношению к идеям всеобщего разрушения и классовой войны.

Предпосылки возникновения критики христианской этики в XIX веке

Поскольку в XIX веке в общественном сознании христианство стало восприниматься прежде всего в качестве хранителя нравственного учения,

---

⁴ В 1865 г. в Великобритании была основана международная религиозная и благотворительная организация «Армия спасения», которая развернула широкую деятельность во всем мире по оказанию нуждающимся медицинской, социальной, психологической и иной помощи.

антихристианская пропаганда постепенно перешла от критики догматического учения христианской Церкви к критике евангельского нравственного закона. Можно выделить две предпосылки возникновения такой критики.

Первая предпосылка. Рубеж XVIII-XIX веков стал временем кардинальных изменений в социальной, экономической, духовной жизни европейской цивилизации. Стремительное появление новых форм и методов человеческого творчества в политике, военном деле, искусстве (особенно музыке и поэзии), идеалистической философии породило целую плеяду молодых гениев, которые не смогли бы расцвести в менее бурные эпохи, где от них требовался бы длительный период обучения и профессионального признания. Военный гений Наполеона, яркие, зачастую короткие и почти всегда трагические судьбы таких композиторов и поэтов, как Моцарт, Бетховен, Шуберт, Шопен, философа Шеллинга (который стал профессором Йенского университета в 23 года, опубликовал свою философскую систему в 25 лет, а после смерти первой супруги на много лет прекратил свое творчество), Байрон, в России — А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, — все эти, а также другие творцы истории и культуры на протяжении всего XIX века будоражили воображение европейской и российской молодежи. В культуре (прежде всего литературе и музыке) возникает движение романтизма, в центре которого стоял гений-одиночка, превосходящий непонимающую его толпу своими талантами, интеллектом, работоспособностью. При этом всё обычное, повседневное, традиционное получало ярлык самодовольного мещанства и филистерства, противостоящего выдающемуся человеку. В начале XIX века живым образцом разностороннего гения явился немецкий писатель, поэт, государственный деятель Гёте, который создал известную поэму «Доктор Фауст», где изображен ученый-одиночка, желающий через союз с дьяволом дать человечеству счастье. Гёте не был прямым критиком христианской веры и нравственности, но, как указывает крупнейший протестантский богослов XX века Карл Барт, его отношение к христианству несло в себе неприятие христианских добродетелей умеренности, смирения, терпения и т.д.

Вторая предпосылка. XIX век стал временем, когда и в богословии, и в гуманитарных науках лидирующее место занял исторический подход, основанный на изучении возникновения, формирования и развития каких-либо социальных, культурных и иных явлений, в том числе религиозных идей. Применение исторического подхода в теологии, с одной стороны, расширило знание об истории Церкви, развития отдельных сторон церковной жизни (например, формирования текстов Священного Писания, развития церковной организации, история догматических формул и т.д.), с другой стороны, побудило некоторых историков и филологов, а также представителей крайне-либеральной протестантской теологии в качестве источника христианского вероучения видеть не Божественное Откровение, а человеческие — культурные, социальные, экономические — условия существования.

Критика христианской этики у Ф. Ницше

Сочетание обеих предпосылок — с одной стороны, культ гения-одиночки, идеалом которого выступал И.В. Гёте, с другой стороны, опыт исторических исследований в рамках классической филологии — обусловили появление такой незаурядной фигуры в истории европейской философии, как Фридрих Ницше (1844-1900), чьи размышления о судьбе европейской цивилизации до сих пор не потеряли своей актуальности. Развивая появившееся в его время учение о ценностях, Ницше назвал свою философию «переоценкой ценностей», т.е. изменением прежде существующей иерархии того, что придает смысл жизни. Философ разделил моральную сферу человеческой жизни на «мораль господ» и «мораль рабов». «Мораль господ» в качестве своих ценностей провозглашает избыток и возрастание жизненных сил, волю к власти, пользу, благородство, героизм, мужество. Идеальное выражение «морали господ» Ницше видел в аристократических обществах древнегреческих и древнеримской республик. «Мораль рабов» связана с возвышением таких ценностей, как покорность, терпение, страдание и сострадание, непротивление злу, любовь к врагам. Движущей силой «морали рабов», по мнению Ницше, являлась мстительность низших сословий в отношении высших: утвердив свои ценности в качестве высших, «рабы» тем самым победили «господ». Близкой к «морали рабов» является «мораль жрецов» — установка на аскетическое самоподавление жизни, характерная для «вырождающихся рас». Соединением социальной «морали» древнеримских рабов и «морали» иудейских «жрецов» стало, по мнению Ницше, христианство, которое завоевало европейские народы и лишило их жизненной силы, аристократизма и благородства, привело к торжеству демократии как власти черни и пошлости.

Поэтические образы, пророческий пафос и несомненная психологическая пронизательность⁵ сделали книги Ницше популярными для многих поколений европейской молодежи, но не смогли скрыть факта довольно поверхностного знания немецким философом реальной социально-культурной истории античных и европейских народов. Делая слишком широкие обобщения, Ницше выходил за рамки рационального мышления, творя свою мифологию человеческой истории и возрождая религиозное отношение к действительности. По мнению некоторых современных авторов, философия Ф. Ницше стала последним актом сопротивления аристократической культуры, свойственной Средневековью, перед окончательной победой массовой культуры. Как указывают некоторые исследователи (например, К. Свасьян), объектом отрицания и критики для Ницше было западное «филистерское» христианство мелких буржуа, которое получило господство в XIX веке и в котором евангельские истины потеряли свою силу. Сам философ, по воспоминаниям современников, представлял полную противоположность своим идеям, будучи скромным и застенчивым тяжело больным человеком. Не случайно чтение трудов Ф. Ницше в конце XIX — начале XX веков становилось для молодых

---

⁵ В отношении психики отдельного человека; высказывания Ницше в сфере социальной психологии нельзя назвать точными.

представителей русской культуры толчком к их возвращению к христианству. Но для европейской молодежи идеи Ницше послужили стимулом для их укрепления в атеизме (в том числе в его экзистенциалистской разновидности) и культе силы и насилия.

Рассмотрим идеи Ф. Ницше применительно к реальной истории древних Греции и Рима. Если признать, что Древний Рим действительно был носителем некоей «морали господ», связанным с культом силы, подвига, красоты и величия, то нужно признать, что именно эта мораль послужила предпосылкой гибели древнеримской цивилизации. В первую очередь это связано с тем, что индивидуальный героизм и ставшее самоцелью личное развитие вступают в острое противоречие с идеей продолжения рода и воспитания детей⁶. Как мы видели в разделе, посвященном нравственности древних народов, вымирание римского народа началось еще до появления христианства и было связано с нежеланием римлян брать на себя труды, связанные с воспитанием детей, особенно девочек. Как указывал в своих трудах русский философ Алексей Федорович Лосев, идеал античности — это прекрасное мраморное тело, не знающее «вчера» и «завтра», не заботящееся о будущем, только наслаждающееся собой в бесконечном «сегодня». Воспитание детей, особенно когда их в семье их много, требует от родителей качеств, которые Ницше приписывал «морали рабов» — смирение, терпеливую заботу о немощных, сострадание и помощь. В конечном историческом итоге подбирающие и воспитывающие чужих детей, заботящиеся о больных и нуждающихся христиане показали больше жизненной силы и энергии, чем утопающие в непристойностях или размышлениях о самоубийстве «благородных» римляне.

Можно сказать, что если «мораль господ» и существует, то только как паразитический придаток к тому, что Ницше называл «моралью рабов». Если обратиться к экономической истории Римской империи, то необходимо признать тот факт, что как только прекращение активных завоеваний привело к сокращению притока новых рабов на латифундии и рудники империи, римская экономика начала приходить в упадок, поскольку «раса господ» не была приспособлена к созидательному труду.

Говоря об аскетической «морали жрецов» (примером которой Ницше видел иудаизм и индийский брахманизм), следует поставить под сомнение утверждение, что подобная «мораль» (если говорить о ней не как о поэтическом образе) характерна для «вымирающих рас». Как раз наоборот, готовность к самоограничению и аскезе демонстрировали полные сил молодые «варварские» народы либо цивилизации, полные жизненной воли, в то время как вымирающие цивилизации (античная, современная европейская) отрицают ценность какого-либо внутренней или внешней аскезы.

---

⁶ В своих работах Ницше подчеркивал, что все великие философы являлись неженатыми и что невозможно представить философа в окружении детских пеленок.

Обвинения христианства в индивидуализме и антисоциальности.

Э. Золя, Дж. Фрэзер

Иногда в Ф. Ницше видят единственного или главного певца отрицания христианской морали. На самом деле его учение является только одним из наиболее ярких воплощений идей, которые царили в определенной части европейской интеллигенции во второй половине XIX века. Например, французский писатель Эмиль Золя (1840-1902) считал евангельское учение антисоциальным и даже антигуманистическим, т.к. оно якобы отрицает и разрушает социальные связи, блокирует проявление естественным человеческих эмоций, приводит к неуверенности человека в самом себе, воспитывает в человеке лень, беспечность, попрошайничество и создает в обществе нищету.

К началу XX века рассуждения о «негативном влиянии» христианства на развитие европейской цивилизации были характерны не только для континентальных философов, но и для англосаксонских ученых. В качестве примера можно привести одного из основоположников современного религиоведения и антропологии сэра Джеймса Фрэйзера (1854—1941). В главном труде своей жизни, многотомной «Золотой ветви», посвященной всестороннему изучению магических и религиозных представлений народов мира, Фрэйзер туманно пишет о «восточных культурах», которые привили европейским народам чуждое мировоззрение и подточили здание античной цивилизации⁷. По его мнению, древнегреческое и римское общества строились на приоритете общественного (государственного) над личным, когда каждый человек был готов отдать себя в жертву ради общего блага. В то же время «восточные религии» личного спасения внушали мысль, что единственно достойной целью жизни является соединение с Богом и личное спасение, а благоденствие и даже само существование государства в сравнении с ними ничего не значат. «Неизбежным следствием принятия этого эгоистичного и аморального учения был все возрастающий отход верующих от служения обществу, концентрация на личных духовных переживаниях...». На смену идеалу самоотверженного героя-патриота пришел идеал отшельника, полного презрения ко всему земному. По мнению Фрэйзера, это привело к процессу всеобщей дезинтеграции общества: государственные и семейные связи ослабли, общественная структура стала распадаться на составляющие фрагменты, над обществом вновь нависла угроза варварства. Ведь цивилизация возможна только при условии активного содействия со стороны граждан, при условии их готовности подчинить свои частные интересы общему благу. Между тем люди отказывались защищать свою родину и даже продолжать свой род». То, что под «восточными религиями» Фрэйзер имел в виду именно христианство, он раскрывает в следующем отрывке: «Это наваждение длилось целое тысячелетие. Возврат европейцев к исконным принципам их жизненной ориентации, к трезвому, мужественному взгляду на жизнь отмечен

⁷ Здесь и далее цитаты по: Фрэйзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Джеймс Д. Фрэйзер. — М.: Политиздат, 1980. — С. 396-402.

возрождением в конце средневековья римского права, философии Аристотеля, античной литературы и искусства. Долгому застою в развитии цивилизации пришел конец. Волна восточного нашествия наконец захлебнулась и стала идти на убыль. Отлив этот продолжается до сих пор».

Итак, по мнению Фрэзера, христианство относится к числу жизнеотрицающих религий, наносящих вред развитию цивилизации, и только благодаря тому, что «подавляющая часть людей отказалась заплатить за возможность спасения своей души неизбежным угасанием человеческого рода», последнее так и не произошло. В то же время античная мораль коллективизма и патриотизма предстает практически идеальным видом морали, способствующим общественному развитию. Рассмотрим данную концепцию по частям.

Античные народы, а также некоторые народности с неразвитыми религиозными представлениями демонстрировали приоритет общественных интересов над индивидуальными прежде всего потому, что понятие личности — свободной, действующей в соответствии со своими собственными убеждениями — стало результатом возникновения и становления именно христианской цивилизации. Античный мир, равно как и примитивные общества, не знали, что такое «личность», для них существовало прежде всего человеческое смертное тело и выполняющая вспомогательную функцию её оживотворения душа. К чему ведет отсутствие четкого разделения между индивидуумом и общиной? В первую очередь, к тому, что достоинство человека определяется только его социальным статусом. Рабы, как говорит римское право, не имеют «персоны» — родовой маски предков, дающей человеку права свободного человека. Возвращение подобной «общинной» морали в XX веке было связано с созданием тоталитарных режимов, утверждавших приоритет нации или классовых интересов над правом личности, которая без раздумий должна быть принесена в жертву. Классическим воплощением такого мышления был первосвященник Каифа, утверждавший, что лучше одному человеку (пусть даже невинному) умереть за народ (Ин. 18:14). Некоторые западные философы прошлого века (напр., Карл Поппер) справедливо указывали на корни тоталитаризма в античном общинном мышлении, в частности, у Платона, который мечтал о построении идеального государства, где люди не имели бы даже свободы выбора спутников жизни, а их дети отбирались и отдавались бы на централизованное воспитание. Таким образом, возвращение идеализируемой Фрэзером античной морали привело не к расцвету цивилизации, а к Освенциму и Гулагу.

Фрэзер приводит мысль о дезинтеграции государственной власти вследствие распространения идеи о личном спасении. История раннего Средневековья полностью опровергает этот тезис. На востоке средиземноморской цивилизации православная Византия показала воистину чудеса выживания и возрождения после тяжелых военных, политических, религиозных и экологических кризисов в условиях бесконечного натиска варварских племен, пока IV крестовый поход не уничтожил геополитический барьер, в течение тысячи лет защищавший юго-восточные рубежи

Европы. На Западе, после коллапса античной государственной власти вплоть до начала второго тысячелетия единственным устойчивым социальным институтом, обеспечивающим культурное единство западноевропейских варварских королевств, стала Римская церковь.

Идеологически ангажированным выглядит и тезис о том, что эпоха Возрождения стала временем возрождения античной морали, что привело к прекращению застоя в развитии европейских народов. Как мы видели ранее, именно античность была временем социального и технологического застоя, который был преодолен динамизмом молодых христианских народов. Кроме того, обращение к античной культуре служило целям, совершенно противоположным идеалам античности: не восстановление приоритета общины над человеком, но всестороннее развитие человеческой индивидуальности, покоряющей материальный мир. Обращение к античному праву, философии, литературе служило задаче освобождению личности — т.е. того, о чем античность не имела никакого представления.

Наконец, совершенно ложным является приклеивание христианству ярлыка «религии личного спасения». Как мы увидим в соответствующем разделе, христианская этика — это не этика героя-одиночки, а этика Царства Божьего, социально-трансцендентного института, воплощенного в общине верующих. Действительно, в истории Церкви монашество занимало важное место как идеал христианской жизни, но при этом Церковью строго осуждались любые попытки очернить обычную мирскую жизнь, поставить девство выше семейной жизни. Негативное отношение к семейным и патриотическим ценностям было свойственно только радикальным сектам. Наконец, фундаментом христианской этики является любовь к ближнему, которая полноценно может осуществиться только в обществе. Русский философ Владимир Соловьев в своей статье «Русский национальный идеал» подчеркивал: «...никакая святость не может быть только личной, что она непременно есть любовь к другим, а в условиях земной действительности эта любовь есть, главным образом, сострадание... Самое нравственное начало предписывает нам заботиться об общем благе, так как без этой заботы о личной нравственности становятся эгоистичными, т. е. безнравственными. Заповедь нравственного совершенства дана нам раз навсегда в слове Божьем, и дана, конечно, не для того, чтобы мы ее твердили как попугаи или разбавляли собственной болтовнёю, а для того, чтобы мы делали что-нибудь для ее осуществления в той среде, в которой живем, т. е., другими словами, нравственный принцип непременно должен воплощаться в общественной деятельности»⁸.

Конфуцианская цивилизация как пример «идеальной» цивилизации для критиков христианской этики

---

⁸ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Владимир Соловьев. — М., 1989. — С. 290-291.

В рамках социально-философских исследований религии можно привести пример цивилизации, которая является наиболее близкой идеалам того общества, о котором говорил Фрэнклер. Это — китайская цивилизация, основанная на религиозно-философском учении конфуцианства, которое по сути является сборником этических наставлений о благопристойном социальном поведении. Как показывал классик социальной философии и социологии Макс Вебер⁹, представители образованного чиновничества, разделявшие доктрины конфуцианства, на протяжении многих столетий сознательно и планомерно истребляли в духовной жизни своего народа всё, что так или иначе приводило к появлению персонифицированных божеств и представлений о бессмертии души. Официальная идеология даже не предполагала возможности частной молитвы — к безличным силам неба могли обращаться только исполняющие безличные функции император и высшие чиновники. Всё, что выходило за пределы обыденной нравственности, включая аскетические практики, считалось «неклассической формой жизни». Буддистское и даосское монашество терпелось в очень ограниченном объеме, в основном по суеверным причинам (боязнь разгневать опасных духов, если разрушить монастырь), но все монахи должны были сдать экзамен на знание официальной китайской культуры. Что касается «классических социальных отношений», то они ограничивались отношениями родители-дети, начальник — подчиненный, супруги, братья (включая отношения учитель-ученик) и личная дружба. Поскольку участие в религиозной организации не вписывается в эти «классические» социальные отношения, то оно является незаконным.

Таким образом, в конфуцианстве мы видим реализацию этических начал, наиболее далеких от христианской этики: 1) отсутствие представления о личном Боге — источнике нравственного закона; 2) отсутствие представлений об ответственности человека перед Богом за свои поступки, совершаемые в результате свободного выбора между добром и злом; 3) отсутствие представлений о бессмертии души и загробном воздаянии; 4) отсутствие представлений о безусловной ценности любви к другому человеку безотносительно его родственного статуса. В истории философии и религии мы можем найти мало достаточно развитых учений (за исключением конфуцианства), которые не содержали бы в себе какой-то один из этих пунктов.

Результаты двухтысячелетней селекции, направленной на недопущение появления того, что связано со свободой воли, заботой о своей душе, личном богообщении — т.е. всего того, с чем ассоциируется христианская религия, — проявились в следующих формах, о которых на страницах своего труда говорит М. Вебер. Во-первых, это формирование национальной культуры всеобщего формализма, бюрократического отношения между людьми, лицемерия и нечестности, взаимное недоверие китайцев друг к другу (за исключением близких родственников) и готовность обмануть чужака при первой возможности. Как показывает классик, это обстоятельство послужило одной из причин, почему Китай не смог

---

⁹ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / Макс Вебер. — СПб.: Владимир Даль, 2017. — 446 с.

самостоятельно перейти к капиталистической форме хозяйствования, требующей доверия между экономическими агентами. Во-вторых, это развитие и длительное существование (вплоть до китайской революции 1912 г.) самых примитивных суеверий и магических практик, которые стали суррогатом истинного богопочитания. Склонности доверять самым нелепым предрассудкам были подвержены и наиболее образованные чиновники. В-третьих, отсутствие личной свободы, личной ответственности, господство безличных социальных традиций стало причиной того, что почти всё второе тысячелетие по Р.Х. Китайская империя провела в состоянии стагнации — культурной, технологической, экономической. Таким образом, провозглашенный идеал господства социального над индивидуальным, реализованный в истории в рамках китайской цивилизации, продемонстрировал свою бесперспективность для развития человечества.

Примечательно, что наблюдаемый в последние десятилетия экономический и технологический подъем государств Восточной Азии — Китая, Японии, Южной Кореи, Тайваня и т.д. — связан с тем, что капиталистическая экономика перешла от этапа личной инициативы, создания успешными предпринимателями и их единомышленниками динамичных бизнес-империй к этапу функционированию безличных транснациональных корпораций, построенных по принципу бюрократических структур. В то же время отказ европейской цивилизации от своего христианского наследия стал одной из причин угасания творческого духа, потери глобального экономического и технологического лидерства.

Критика православной этики со стороны протестантов и симпатизирующих западному христианству

В начале XXI века процессы осмысления роли конфессиональной идентичности христианских народов в их социально-культурной и экономическом развитии привели некоторых представителей маргинальных религиозных организаций к критическим выпадам в адрес православных представлений о нравственном идеале, которым противопоставляются «правильные» католическая и протестантская мораль. Приведем примеры.

Один из священников «Украинской православной церкви Константинопольского патриархата» в 2016 году написал следующее:

«Индекс качества жизни в различных государствах, гласит: первое место уверенно удерживают государства с протестантской культурой самосознания, и идентификации (Норвегия, Швейцария, Канада, Швеция, Новая Зеландия, США, Канада, Австралия, Великобритания); на втором месте государства с католической культурой самосознания (Италия, Франция, ФРГ, Испания, Польша, Чехия...), и на третьем месте государства с православной культурой самосознания...

Протестантская культурная среда это мир, в котором ценятся, в котором восхищаются представителями интеллектуального мира. Самый почитаемый человек, с которого берут пример, это человек начитанный; грамотный; успешно развивающий свой бизнес; написавший множество книг; глубоко знающий Священное Писание.

Задайте вопрос протестанту, «какой ваш почитаемый духовный персонаж»? И вам начнут перечислять выдающихся учителей, богословов, писателей. Вывод: в протестантской культуре, культивируется культ грамотного, интеллектуального человека.

Католическая культурная среда это мир, в котором ценятся люди работающие; свободомыслящие; чтущие свое государство; преданные церкви. Вы можете взять список канонизированных в католической церкви в 20-ом столетии, и вы увидите, что огромное число святых составляют люди, ставшие учителями церкви, или те, которые организовали церковные, общественные организации, повлиявшие на развитие государства. Вывод: в католической культуре любят тех, кто готов менять социальную жизнь к лучшему.

Православная культура. Советую поступить, следующим образом. Откройте список канонизированных в РПЦ в 20-ом столетии. Большинство это: убитые, уничтоженные, замученные, расстрелянные, отсидевшие христиане; также присутствует количество юродивых. Спросите у простых людей, кого больше всего в РПЦ, УПЦ МП любят? И вы услышите: Матрона, Серафим, Ксения, то есть те люди, которые прославились юродством, бедностью... Вот именно этот типаж культивируется, и ценится на православном бытовом уровне.

Вывод: православная культура РПЦ на бытовом уровне пропагандирует самосознание бедного, не успешного, подчиненного человека. Вот в этом и кроется множество проблем, с которым сталкивается наше украинское общество. Как можно думать о будущем, если ты живешь в народной культуре в которой отсутствует культ грамотного, интеллектуального человека, свободомыслящего, нацеленного на успех.

Что делать? Изживать из себя культуру Православия РПЦ, которое поработает человека, не давая ему успешно развиваться»¹⁰.

Первое, что может шокировать православного верующего в подобных рассуждениях, это то, что Православной Церкви ставится упрек в том, что её святые — это люди, пострадавшие за Христа. Этими словам по сути отменяется Евангельское обетование о том, что все верующие во Христа будут гонимы. Поэтому говорить о «христианстве» автора приведенной цитаты можно только в кавычках.

Тем не менее, этот «священник» не одинок в своих размышлениях о том, что «правильная» конфессия является условием благополучия нации. На одном из украинских протестантских сайтов можно встретить следующие слова: «Те народы и нации, которые приняли эту реформу Церкви (протестантизм) и вернулись к чистоте библейской веры стали развитыми странами с высоким уровнем жизни и нравственности. Это США и Канада (куда бежали европейские протестанты от гонений католиков), Великобритания, Австралия, Канада, Германия, Австрия, Швейцария, другие страны Центральной Европы, а также страны Северной Европы и Скандинавские страны. Христианские страны и народы, которые согласились

---

¹⁰ <http://ovstetsyuk.livejournal.com/242367.html>

остаться с языческим наследием прошлого, с «верой и наследием отцов», как они любят говорить, постепенно деградировали и политически, и экономически, и духовно. Это католическая Южная Америка, которая имела равные шансы с Северной, Испания и Португалия, которые имели колонии по всему миру, были «царицами морей» и основными политическими игроками в Европе, это католическая Италия и православная Греция, наследники великой Римской империи, это православные Грузия и Армения, а также Российская Империя и в последствии страны бывшего СССР»¹¹.

Разберем эти доводы в пользу «успешности» западных конфессий по частям.

Во-первых, сама по себе попытка обосновать правильность веры внешним благополучием является чистым проявлением самого примитивного язычества: «у кого боги сильнее, то племя живет лучше». В бесплодном националистическом стремлении идентифицировать себя с западной цивилизацией легко выйти за пределы христианства, заменив его идолами материального успеха и мнимой надеждой на золотого евро-теляца. Подобные надежды тем более бесплодны, что современная европейская цивилизация уже не может называться христианской, и выбор протестантской конфессии уже не играет никакой роли для жизни народов.

В-вторых, сама подборка стран с высоким индексом качества жизни как свидетельства полезности той или иной религиозной среды стыдливо умалчивает о странах, которые никогда не принадлежали христианской цивилизации: Сингапур (8-место в 2013 году), Гонконг (10-е место), Тайвань (14 место) уверенно опережают лидеров «развитых стран с высоким уровнем жизни и нравственности» — Германию (16 место) и США (17 место). Оставшаяся в лоне «языческого наследия прошлого» Франция опережает протестантскую Великобританию (26 и 27 места соответственно, но уступают православному Кипру (23 место), а также нехристианским Объединенным Арабским Эмиратам, Южной Корее, Японии и Кувейту.

Безусловно, европейская цивилизация на протяжении нескольких веков играла роль мирового культурного и экономического лидера в первую очередь за счет своих христианских корней, связанных с представлениями о личном Боге-Творце и Избавителе¹² свободной человеческой личности. Христианские добродетели любви к ближнему, трудолюбия, свободы человеческой личности оказали существенное влияние на то, что во второй половине II тысячелетия христианские народы были мировым гегемоном. Однако, не все христианские народы достигли одинакового уровня жизни. Чем обусловлен разрыв между западноевропейской цивилизацией и всеми остальными, в том числе другими христианскими народами Восточной Европы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно ответить на другой вопрос: когда этот разрыв начался? Еще в XII-XIII веках Европа заимствовала научные и технические достижения у других народов — греков и арабов. Так, в начале XIII века испанцы

¹¹ Твоя Библия. Вечное сегодня. [Офиц. сайт]. URL: <http://www.bible.com.ua/answers/r/4/310124>

¹² В данном случае неправомерно говорить «Искупителе», поскольку Искупление относится к полной человеческой природе, включая тело, душу, высшие духовные функции.

переняли у мавров секреты первой огнестрельной артиллерии, которая затем медленно развивалась, пока не привела к созданию в XV века ручного огнестрельного оружия.

Как говорят историки, именно развитие огнестрельного оружия, с помощью которого европейцы начали агрессивную колониальную политику, стало толчком к повышению качества жизни и ускорению технологического прогресса в Европе. В XV веке начинается эпоха Великих географических открытий, по итогам которого значительная часть мира подпала под владычество европейских государств, обеспечивая их дешевым сырьем для производства и служа рынками сбыта товаров. В отличие от Московского царства и Российской империи, приносившей на присоединяемые территории больницы, школы, промышленность и правовой порядок, западноевропейские завоеватели приносили войны, разрушение древних цивилизаций, работорговлю и грабительские торговые соглашения. Именно наличие огнестрельного оружия, агрессивность и алчность, а не «чистота библейской веры» стали факторами ускоренного накопления капитала, индустриализации и последующего роста качества жизни западных народов.

В-третьих, являются мифическими представления об идеальных образах человека в разных духовных традициях. Протестантские конфессии и Римско-католическая церковь в эпоху великих потрясений XX века так же показали миру большое количество мучеников (например, лютеранин и участник Сопrotивления Дитрих Бонхѳфер, 108 блаженных польских мучеников и т.д.), как Православная Церковь — просветителей, проповедников, организаторов, которые заботились о социальном благополучии своей паствы (напр., свт. Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский и другие иерархи Зарубежья), богословов и религиозных философов, чей перечень насчитывает десятки имен.

Обратимся к утверждению, что «протестантская культурная среда — это мир, где на первом месте выступают знания», которые позволяют человеку стать успешными. Реальная история богатейших бизнесменов США опровергает данный тезис. Основателями корпораций с мировым именем в сфере информационных технологий были студенты — недоучки с сомнительной репутацией, которые в своих разработках не стеснялись использовать чужую интеллектуальную собственность. Как только их бизнес-империи переходили к «грамотным» и «образованным» управленцам, то, как правило, в них начинался период стагнации и упадка. Если же обратиться к реальным верующим из протестантской среды, например, в США, то мы увидим, с одной стороны, активную борьбу с современными научными теориями (вместо попыток их осмыслить с точки зрения богословия, как это происходит в Православии), с другой стороны, любовь не к глубоко образованным богословам, а к харизматичным проповедникам, способных организовать яркие религиозное шоу.

Перейдем к католическим святым и подвижникам, которые «прославились на весь мир своим служением ближнему». Всему миру известна мать Тереза, которая в конце 2016 года была причислена к лику святых как св. Тереза Калькуттская. По данным, опубликованным журналом «Форбс», только 7% от собранных

пожертвований в фонд матери Терезы были направлены на помощь нуждающимся¹³. По некоторым свидетельствам, больным, попавшимся в руки волонтеров «Миссии милосердия», не оказывалась настоящая медицинская помощь; они находились в антисанитарных условиях и были лишены одноразовых шприцов и обезболивающих лекарств, так как мать Тереза призывала их терпеливо сносить страдания. В то же время сама католическая святая не гнушалась проходить лечение в самых дорогих клиниках¹⁴. Поэтому действительно, в католической церкви любят тех, кто меняет жизнь к лучшему — но иногда только свою.

За что же критикует украинский священник православное представление о святости? «Большинство это: убитые, уничтоженные, замученные, расстрелянные, отсидевшие христиане; также присутствует количество юродивых». Как говорилось выше, «неуспешными» названы те, кто был верен Христу до смерти. Однако что же понимает религиозный деятель под «успешностью»? Если исполнение заповедей Господа и достижение Царства Небесного, то в этом отношении православных мучеников можно действительно назвать «успешными» как удостоившихся соединения с Создателем миров. Может быть, «успешностью» считать земное признание? Но тогда преп. Серафим, преп. Иоанн Кронштадский и другие святые, к которым уже при их жизни приходили за духовной помощью тысячи человек, а после их смерти обращаются в молитвах сотни тысяч, и в их честь строятся храмы — можно ли это считать «неуспехом» человеческой жизни? Конечно, это только риторический вопрос...

Рассмотренные примеры показывают, что критика христианской этики, в том числе православной этики, которая является наиболее близкой к Евангельскому учению, возможна только при искаженном и мифологизированном представлении об истории развития европейских народов, их культуры, экономики, политики. Добросовестное изучение реальных исторических и социально-культурных закономерностей развития народов мира показывает ту неоспоримую позитивную роль, которую христианская этика сыграла в развитии мировой цивилизации.

---

¹³ <https://www.forbes.com/2010/08/10/forbes-india-mother-teresa-charity-critical-public-review.html>

¹⁴ <https://deeshaa.org/deposition-mother-of-all-myths/>